

Коммуникативные механизмы понимания: знак, значение, смысл.

Интенция как смысловая доминанта коммуникативного акта

(От знака и значения – к смыслу)¹

...На одном из научных мероприятий, посвященных проблемам коммуникации, докладчик рассказывал об “изменении смыслов” при переводах текстов на другие языки. Аудитория слушала внимательно, записывала. А после выступления прозвучал простой, казалось бы, вопрос:

-Много раз вы произнеси слова “смысл”, “смыслы”. Каким образом Вы определяете смысл произведения: интуитивно или все же есть некий доказательный метод, механизм “прочтения” смысловых составляющих, на который можно сослаться, чтобы доказать правомочность выводов?

Посоветовавшись с представительным президиумом, докладчик ответил: таких механизмов нет.

И все же такой механизм есть. Он разработан в рамках семиосоциопсихологической парадигмы известным российским ученым Т.М. Дридзе (1930-2000). Знакомство с ним облегчает путь к постижению смысловых доминант не только для ученых-исследователей, но и для самых обычных людей. В его основе лежит представление об интенциональных (мотивационно-целевых) первопричинах общения и взаимодействия людей.

Любой целостный, завершенный коммуникативный акт (по Дридзе, *текст*), реализованный в любой знаковой системе (это, например, может быть и газетная статья, и телепередача, и стихотворение, и компьютерная игра, и мультфильм), в рамках данной парадигмы можно условно представить в виде *структуры иерархических коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенциональную (мотивационно-целевую) доминанту*, которая и “вызвала к жизни” данный коммуникативный акт, определила его специфику: жанр, содержание, форму, художественные особенности и т.д. [8, С. 87].

Известное еще с древних времен понятие “*интенция*”, традиционно трактуемое как *цель, намерение, стремление*, буквально получило вторую жизнь, поскольку было уточнено и расширено: это, по Дридзе, “*равнодействующая мотивов и целей общения и*

¹ Исследования по данной проблематике проводятся в рамках проекта РФФИ “Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности информационной среды”, № 08-06-00487 “а”.

взаимодействия людей” [5, С.16]. В традиционное понятие “интенция”, с учетом новейших социально-психологических и психологических наблюдений, справедливо указывающих на необходимость учета в любых процессах общения и взаимодействия не только осознанных стимулов (целей), но и интуитивно-чувственной сферы, была имплицитно введена такая характеристика, как *мотивация*. Последнее означает, что самостоятельными единицами анализа оказываются не только слова, фразы, кадры, изображения, звуки, но и эмоции, ассоциации, обнаруживаемые как непосредственно в тексте, так и “между” слов, строк, кадров.

Традиционно научное внимание преимущественно сосредоточено на речевых формах общения (лингвистика, психоллингвистика, языкознание и т.д.), а также – на исследовании феномена искусства и способов художественного выражения в живописи, поэзии, литературе, театре, архитектуре, музыке и т.д., которыми люди, в силу особенностей развития человеческой цивилизации, начали пользоваться гораздо раньше, чем, например, кино-фото-или видеотехникой. Естественно, что с освоением новых (технических) возможностей появлялись и новые научные направления, которые, в свою очередь, стали дифференцироваться по специфическим средствам выражения: коммуникация в прессе, телевидении, радиовещании, Интернете. Каждое из перечисленных направлений, в свою очередь, различаются по целевой и адресной направленности, по масштабам охвата аудитории. Этот перечень несложно продолжить: здесь и наука о кино, о театре, музыке, живописи, архитектуре и так далее и так далее. Не забудем и о межличностном общении... Бесспорно, разработка каждого из направлений необходима и оправданна.

Существуют, однако, и общие, универсальные для всех форм общения и взаимодействия людей закономерности, связанные с особенностями создания между участниками коммуникации единого смыслового поля, которое, собственно, и является основной задачей любого акта общения. И поскольку это смысловое поле возникает посредством циркуляции между людьми, вступившими в общение, не только информации, но, прежде всего, – мыслей, идей и эмоций (хотя, как известно, в расширительном понятии в качестве информации можно рассматривать и мысли, и идеи, и эмоции), возникла необходимость поиска универсальных коммуникативных единиц, абстрагируемых от того “строительного материала”, которым формально обеспечиваются процессы общения, – то есть от слова, изображения, звука, жестов, мимики и т.д.

Факт несовпадения мысли и слова неоднократно отмечался такими учеными-психологами, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Н.И. Жинкин, И.А. Сеченов, А.А. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др. Так, Л.С. Выготский писал, что “...течение и движение мысли не совпадает прямо и непосредственно с развертыванием речи. Единицы мысли и

речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество” [4, С. 171].

В последние годы накоплены научные данные в области исследований “невербального интеллекта и его связей с вербальным интеллектом”, исследований о системном строении психики и интеллекта, о несовпадении мысли и внутренней речи, об образно-эмоциональном характере мыслительной деятельности, о роли знаков в коммуникации. Так, например, Б.Г. Ананьев указывает, что, реализуя коммуникативный замысел, человек создает “...текст как продукт особого рода интеллектуально-мыслительной активности, направленный на организацию смысловой информации для общения”. Этот вид личностной активности включает “вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции” [2, С. 202], совершаемые для организации смыслов в ходе текстовой деятельности.

Общаясь, люди употребляют (используют) слова, фразы, звуки, жесты и т.д., которые можно рассматривать как **знаки** разной степени сложности и абстракции. Известно, что отдельные слова и простые знаки имеют определенное, конкретное **значение**, зафиксированное в языке и передающееся из поколения в поколение. Значения слов русского языка отражены, например, в “толковых словарях” В. Даля, С. Ожегова и др. Язык как таковой вообще возможен только при наличии определенного перечня общепринятых значений слов. Значения простых знаков, как правило, также четко фиксированы (например, знаки-жесты), хотя известны случаи их неоднозначной интерпретации в разных культурах (кивок головой в России означает согласие, в Болгарии же – отрицание).

Известный искусствовед М.М. Бахтин рассматривал знак как своего рода “материал”, в котором слагается и осуществляется сознание. Он подчеркивал, что “знак может возникнуть лишь на межиндивидуальной территории, причем эта территория “не природная” в непосредственном смысле этого слова. Необходимо, чтобы два индивида были социально организованы” [3, С. 113-114].

С развитием цивилизации возникают новые виды знаков (например, знаки дорожного движения, или так называемые *смайлики*, которые подарила нам компьютеризация), заменяющих собою слова, фразы и даже целые тексты: так экономятся интеллектуальные усилия и время, а процессы общения становятся более унифицированными.

Отечественный психолог А.А. Леонтьев различал несколько видов знаков: *знак 1* “...как реальный компонент реальной деятельности, как вещь или материальное языковое “тело”, включенное в деятельность человека”, *знак 2* “...как идеальный образ, как эквивалент реального знака в обыденном сознании” и *знак 3* “... как продукт научного осмысления структуры и функций

объективного знака, т.е. знаковую модель” [10, С. 93]. “Сложным знаком наиболее высокого порядка” [7, С. 145], в котором оказывается запечатленными направленность и состояние сознания человека, его личностные логические оценки и эмоциональные реакции по отношению к предмету (теме), а также особенности его *видения* партнера по общению, назвала Т.М. Дридзе *текст* (то есть целостный, завершённый коммуникативный акт).

Слова, фразы и простые знаки, будучи введенными в более сложные связи, в процессе коммуникации нередко теряют или изменяют первоначальное общепринятое значение и приобретают другое, новое или дополнительное, в результате чего и реализуется, “овеществляется” интенциональность коммуникатора.

Мотивационно-целевая доминанта, или интенциональность, и есть то *самое главное*, что хотел сказать, передать, выразить автор; это тот *искомый результат*, к которому он стремился, вступая в коммуникацию, причем с учетом и осознанных целей, и не всегда осознаваемых мотивов. Поэтому постижение интенциональности (произведения, выступления и т.д.) – это поиск смысла, а поиск смысла – это поиск интенциональности.

Следовательно, на уровне слов и простых знаков понятия ***значение и смысл не тождественны***. Смысл текста связан с интенциональностью породившего его человека и реализуется в мотивационно-целевой (интенциональной) структуре, которая, в свою очередь, “овеществляется” теми или иными знаками, объективное значение которых в контексте может меняться и приобретать личностно-эмоциональный оттенок, который вкладывает в них автор (отправитель).

Однако ежели мы имеем дело с таким сложным знаком, как текст, то *значение* этого знака, *интенциональность* текста и его *смысл* практически тождественны [1, С. 34].

Поскольку в основе любого текста лежит проявленная *интенциональность коммуникатора*, обязательными признаками, или условиями, при которых его возможно рассматривать в качестве такового, являются *целостность* и *завершенность*. *Текст* нельзя анализировать, изъяв из него отдельный блок (главу, раздел, строчку, фразу), как это, например, возможно в литературоведении при изучении авторского стиля, или же – в психолингвистике, в центре внимания которой *дискурс*, отражающий, как известно, *движение, развитие мысли*, которая может быть локальной по отношению к интенциональности всего произведения).

Иерархичность структурных компонентов текста выражается в том, что по отношению к интенции они не равнозначны: среди них всегда есть главные, второстепенные, третьестепенные и т.д. Без некоторых компонентов текста при общении, казалось бы, можно обойтись (например, без музыкального наложения в радиопостановке или без жестов, мимики при декламации), однако при этом исчезает, “выхолащивается”

эмоционально-образная, личностная сфера, без которой полноценное донесение коммуникативного намерения оказывается затруднительным. Поэтому любой текст – это целостное объединение неравнозначных, но одинаково ценных для донесения интенции коммуникативных единиц. Он представляет собой *“иерархию коммуникативно-познавательных программ”* [8., С. 71], или структурных элементов, ориентированных на общую цель (мотив) общения и потому принимающих именно *такую*, а не другую форму, именно в *такой*, а не в другой последовательности, наложении друг на друга и взаимосвязи структурных элементов, именно в *таком*, а не в другом воплощении.

Семиосоциопсихологический подход к постижению механизмов понимания принципиально отличается от подхода, доминирующего к *психолингвистике*, где познание и коммуникация трактуются в канонах так называемой *“теории речевой деятельности”*, в которой текст уподобляется речи или дискурсу. По мнению Т.М. Дридзе, *“...мысль в психолингвистической концепции слита с речью, познавательный процесс рассматривается как речемыслительный, акт общения сводится к речевому акту, а текст (он же речь) определяется как продукт речевой деятельности, состоящий из дискретных речемыслительных элементов. В семиосоциопсихологии же коммуникативный акт рассматривается как средство донесения интенциональности (а не только мысли), которая не ограничена речемыслительной деятельностью человека”*[7, С. 147].

В отличие от речи и дискурса, которые *“...подчинены законам языка как системы и, актуализируя эту систему, “развертываются” линейно”*, текст нелинеен: во временном, фактическом следовании разных компонентов текста (при их транслировании и, соответственно, восприятии) их иерархичность по отношению к интенции, как правило, не соблюдается (например, в телепередаче сначала может идти музыкальная заставка и только затем сообщаться некие идеи, факты). И поскольку текст рассматривается *“...не как речезыковая, а как коммуникативно-познавательная единица, т.е. изначально обращенное к партнеру, опредмеченное ментальное образование, “цементированное” коммуникативной интенцией, составляющей его смысловое ядро (смысловую доминанту)”*[7, С. 147], существуют общие, универсальные при любых формах и способах общения, закономерности его структурной организации, отражающие, во-первых, *“набор”* структурных элементов текста и, во-вторых, особенности отношений между собой (*предикативности*) этих структурных элементов.

Возможность выделения в рамках целостного, завершеного коммуникативного акта коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенцию и связанных между собой по принципу иерархичности (главные, второстепенные, третьестепенные и т.д.), позволяет доказательно выявлять искомую *равнодействующую мотивов и целей*

коммуникатора, даже в тех случаях, когда она скрывается, например, при попытках манипулирования, или же – когда она “непроявлена”, непонятна или не совсем понятна, даже самому автору: художественное творчество, как известно, преимущественно интуитивно. Момент операционализации несет в себе, к тому же, возможность повторяемости эксперимента, что является неременным условием релевантности выводов.

Типовая мотивационно-целевая структура текста:

I уровень – *сверхзадача, замысел, цель, целеполагание, коммуникативное намерение, мотивация общения (в комплексе – интенция)*, связанные со способом “разрешения” проблемной ситуации в данном социальном контексте. Нередко, а в художественных жанрах практически всегда, вербально (посредством слов) не выражены, или выражены частично, только на уровне целеполагания. В любом случае следует попытаться сформулировать их самому (*зачем? почему? для чего? что то самое главное, что хотел сказать, передать, выразить автор?*).

II уровень – *тезисы и контртезисы:*

- а) утверждения, декларации, заявления, главные выводы, принципиально важные, опорные для интенции;
- б) разъяснение (развертывание) тезисов и контртезисов.

III уровень – *аргументы и контраргументы:*

- а) доказательства, являющиеся основаниями для тезисов и контртезисов;
- б) разъяснение (развертывание) основных аргументов и контраргументов;
- в) разъяснение проблемной ситуации.

IV уровень – *иллюстрации:*

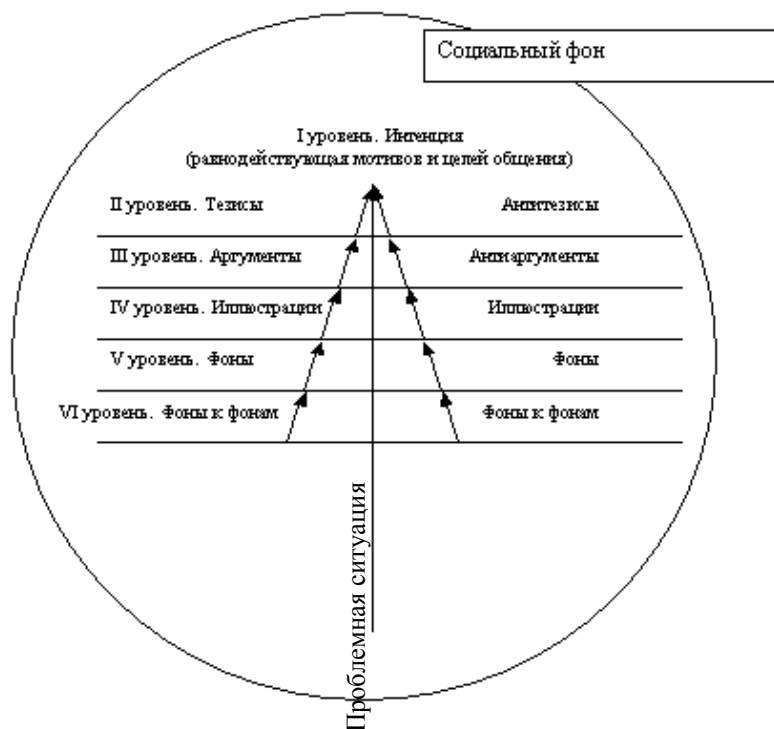
- а) иллюстрации к тезису, аргументам;
- б) иллюстрации к разъяснениям тезиса, аргументов;
- в) иллюстрации к проблемной ситуации, ее описание, оценка и пр.

V уровень – *фоны:*

- а) общий фон к цели (целям) сообщения;
- б) общие фоны к тезисам и аргументам;
- в) общие фоны к иллюстрациям.

VI уровень – фоны к фонам и пр. [8, С. 87-93; 1, С. 17-19]

Рис. 1. Типовая мотивационно-целевая структура текста

На искусстве выделения таких структур и строится **метод мотивационно-целевого (интенционального) анализа процессов общения**, который успешно апробирован при изучении текстов самого разного происхождения, назначения и знакового (семиотического) воплощения: материалов прессы, телевидения, радио, кино, интернета, живописи, учебно-методических материалов, поэзии, художественной прозы, различного рода нормативных актов, при изучении имиджа (образа) и т.д.

При этом наряду с возможностью “увидеть” структурную организацию или, образно говоря, “костяк” любого текста, существует и возможность “увидеть” и понять его индивидуальные особенности и отличия. Любой текст, так же, скажем, как любой человек, и сходен с другими людьми своим строением, и, одновременно, уникален, неповторим, даже в тех случаях, когда тексты, казалось бы, не отличаются по форме, а в некоторых случаях – и по содержанию. Так, циклические однотипные телепередачи, которые “ведет” один и тот же человек, все же различаются нюансами интенциональности, которые варьируются в зависимости от погоды, времени года, проблемных ситуаций, наконец, самочувствия. Практически разными текстами являются

и опубликованное авторское стихотворение и – то же самое стихотворение, прочитанное артистом, желающем при этом выразить и свою индивидуальность, свое видение мира. Практически разными текстами являются и авторский сценарий, пьеса и – вольная режиссерская интерпретация этих же текстов (правомочен вопрос о допустимости изменений и искажений авторской интенциональности) [6].

Анализ следует начинать с выявления *проблемной ситуации*, породившей текст, и того *социокультурного фона*, на котором происходит коммуникативный акт. Проблемная ситуация “пронизывает” все уровни мотивационно-целевой структуры текста. Это тот стержень, те “строительные леса”, которые делают возможным “возведение здания” – с одной стороны, порождение текста, с другой – возможность его адекватного понимания.

Мотивационно-целевая (интенциональная) структура всегда выделяется как некое организующее начало, как основа текста, как некий вектор, обнаруживаемый при соответствующих навыках анализа (неинтенционального общения попросту не бывает). Разные специалисты, владеющие такими навыками, из одного и того же текста выделяют одинаковые мотивационно-целевые структуры (как известно, одним из основных доказательств обоснованности метода и полученного при его использовании результата служит повторяемость эксперимента).

Как правило, интенция (равнодействующая мотивов и целей общения), определяющая и организующая содержательный материал текста, не выражена словесно: даже *цели общения* не всегда декларируются коммуникатором – в силу разных причин, а *мотивы общения* – тем более, поскольку последние относятся к эмоционально-экспрессивно-образной сфере личности и в процессе коммуникации далеко не всегда оказываются достоянием сознания. Непроявленность, сложность вербализации (формулировки) мотивов вообще типичны для художественного творчества.

С некоторой долей абстракции мы можем утверждать, что общаемся путем транслирования друг другу мотивационно-целевых структур или даже – интенций. Во всяком случае, именно возможность повторить, воссоздать исходную мотивационно-целевую структуру, однако иными (семиотическими) средствами, лежит в основе деятельности переводчика, режиссера, артиста, аранжировщика, популяризатора, а также представителей ряда других специальностей, осуществляющих культурное и межкультурное взаимодействие, создающих и поддерживающих смысловые связи между людьми. Здесь же и истоки нередких, особенно в последние десятилетия, споров и даже конфликтов о возможности изменений и искажений первоначального (канонического, авторского) текста, о допустимой мере вмешательства в авторский текст [6].

Общение с взаимопониманием всегда требует, с одной стороны, умения и стремления коммуникатора донести свою интенциональность и, с другой, внимания, желания и соответствующих коммуникативных (интерпретационных) навыков у его партнера; и то, и другое – специфическая *интеллектуальная деятельность*.

Мыслительные процессы воспринимающего текст человека не аналогичны логическому и временному развертыванию речи, речевому потоку – они совершают неоднократные перемещения по мотивационно-целевой структуре воспринимаемого текста в осознанных, а большей частью неосознанных, в удачных или менее удачных попытках понять, “считать” интенциональность автора.

На протяжении веков умение постигать основную смысловую составляющую разных текстов (и, можно предположить, жизненных явлений, реальности) было уделом немногих людей, которые и становились критиками (например, литературными), переводчиками, толмачами или попросту считались мудрецами.

Универсальный способ понимания смысла текста, то есть постижения его интенциональности, состоит из двух этапов (при развитых навыках анализа начальный этап можно пропустить, совершив эту процедуру мысленно).

На первом этапе производится попытка разделить содержательную часть текста, включая логико-композиционные и эмоционально-экспрессивные элементы, на иерархические коммуникативно-познавательные единицы, организованные при принципе их подчиненности и соподчиненности, от низших – к высшим, с учетом обнаруженных в тексте *проблемной ситуации и способа (способов) ее разрешения*. В результате, ежели выделенным соподчиненным элементам присвоить порядковые индексы, выстраивается так называемая логико-фактологическая цепочка [8, С. 93-95], посредством которой фиксируются *цели и мотивы* данного коммуникативного акта.

Вот как выстраиваются взаимозависимые элементы известного стихотворения Н.А. Некрасова, если принять в качестве *проблемной ситуации* мысль о том, что у крестьянских детей, современников поэта, трудная жизнь, а способом ее разрешения – привлечение внимания к этой проблеме (далее способ разрешения проблемы значится под индексом I; под индексом II – описание мальчика: рост, одежда, обстоятельства встречи, возраст, имя, голос; под индексом III – подробности об отце, семье; под индексом IV – описание ситуации знакомства с ним автора; под индексом V – описание природы, погоды; под индексом VI – различные мелкие детали, незначительные, казалось бы, подробности).

Однажды, в студеную зимнюю пору (V)

Я из лесу вышел (IV); был сильный мороз (V).
 Гляжу, поднимается медленно в гору (VI)
 Лошадка, везущая хворосту воз (IV).
 И шествуя молча, в спокойствии чинном (II),
 Лошадку ведет под уздцы мужичок (II).
 В больших сапогах, в полушубке овчинном,
 В больших рукавицах... а сам с ноготок! (II)
 -Здорово, парнище! (IV) – Ступай себе мимо! (II)
 –Уж больно ты грозен, как я погляжу (IV)!
 Откуда дровишки? (IV) –Из лесу, вестимо, (VI)
 Отец, слышишь, рубит, а я отвожу (III; II).
 (В лесу раздавался топор дровосека.) (III)
 -А что, у отца-то большая семья (IV)?
 -Семья-то большая, да два человека
 Всего мужиков в ней: отец мой да я... (III)
 -Так вот оно что! (VI) А как звать тебя (IV)? – Власом (II).
 -А кой тебе годик (IV)? –Шестой миновал (II).
 -Ну, мертвая, – крикнул мальчишечка басом (II),
 Рванул под уздцы и быстрее зашагал. (II)

Логико-фактологическая цепочка стихотворения А. Н. Некрасова

V– IV– V– VI – VI – II – II – II – IV – II – IV – IV – VI – III;II – III – IV –III – VI – IV – II – VI – II – II – II

Как видим, фактически, во временном следовании, разноуровневые структурные элементы данного стихотворения следуют в прихотливом, одним автором определенном порядке, а проблемная ситуация и способ ее разрешения (*цели общения*) и вовсе не заявлены вербально, хотя и возникают “между строк”. Для понимания же *мотивов общения* и, далее, *интенциональности* произведения, необходим следующий этап анализа.

После определения иерархичности взаимозависимых элементов текста наступает следующий этап: процесс “фокусирования”, а затем “разфокусирования” логических и эмоциональных компонентов мотивационно-целевой структуры: от менее – к более значимым, то есть от нижних элементов мотивационно-целевой структуры, где, как правило, легче обнаружить намеки на мотивацию общения – к высшим, вплоть до декларированных или предполагаемых целей, и затем в обратном порядке – от более высоких уровней – к нижним (то есть к иллюстративному и фоновому уровням), выдвигая при этом или опровергая *гипотезы* относительно интенциональности текста и соподчиненности элементов структур.

При неоднократном повторении процедуры становятся понятными скрытые механизмы структурного решения, находится формулировка интенции.

Так, в анализируемом выше стихотворении Н.А. Некрасова “отправными точками” для постижения мотивации автора становятся элементы нижних, фоновых уровней: незначительные, казалось бы, подробности знакомства автора с героем. Не все ли равно, как именно зовут этого случайного встречного? Нет, автор дает ему конкретное имя – Влас, которое, следуя законам стихосложения, оправдывает такую дальнейшую деталь, как *бас*, посредством которого понукает мальчик лошадь и который вызывает законные вопросы: откуда такой низкий голос у малыша? Может быть, мальчик простужен (а ведь “сильный мороз”)? Или подражает старшим? Или иначе лошадь не слушается? И то, и другое, и третье, вкупе с другими уже сообщенными “мелкими” деталями, такими, как большой, не по росту, тулуп, большие сапоги и т.д. создают открытое поле самостоятельных предположений и эмоций у читателя, проясняя авторскую мотивацию. Да есть ли у мальчика своя одежда? Хорошо ли питается? Будет ли ходить в школу? ...А ведь хороший малыш, старательный и... забавный. И тут, на стыке предположений о цели общения и выявленных, *самостоятельно прочувствованных* (и автором, и читателем) мотивов, проясняется авторский интенция, так же, как и проблемная ситуация, не заявленная вербально: *замечательные дети растут в крестьянских семьях, где так сильны лучшие народные традиции: трудолюбие, семейная взаимовыручка, уважение к старшим, жизненный оптимизм. И все же надо что-то делать, чтобы улучшить жизнь этих замечательных детей.*

Авторская интенциональность “считывается” как самоценный личностный порыв, как некий энергетический выброс, вызывающий если не равноценную эмоциональную реакцию, то, безусловно, понимание личности и мировоззрения автора. Поэтому проанализированное стихотворение оказывается востребованным вот уже много десятилетий, влияя на содержание и эмоциональную окраску представлений о действительности миллионов читателей.

Проблема понимания (событий, окружающей среды, других людей, самого себя, текста, речи, жестов, знаков и т.д.) – одна из основных на протяжении веков; как известно, ей посвящено огромное количество научной литературы. Представляется возможным провести некую параллель между механизмами сообщения мысли (когда происходит “прислушивание к самому себе”), а также механизмами “считывания” мысли (когда происходит “прислушивание к другому”) – с более исследованными наукой *механизмами понимания* в реальной жизни: по сути дела, реальная жизнь также преподносит нам *знаки*,

большей частью не оформленные текстуально, на которые мы вынуждены каким-то образом реагировать.

В *механизмах понимания* учеными выделяется *дедукция* (рассуждение от посылки к следствию) и *апдукция* (рассуждение от следствия к посылке), которую американский математик и философ Чарльз Пирс назвал гипотезой, возникающей как озарение: “Конечно, различные элементы этой гипотезы присутствовали в моем сознании и раньше, но именно мысль сопоставить то, что раньше я не подумал бы сопоставлять, заставляет новое предположение вдруг молнией вспыхнуть в моем сознании” [11, Р.181].

Признавая апдукцию как “ненадежный метод – метод выдвижения гипотез, которые опровергаются так же легко, как и выдвигаются...”, российский социолог Л.Г. Ионин, тем не менее, считает, что “...иного пути, пожалуй, и нет, ибо дедукция не дает нового знания, в отличие от апдукции. В процессе взаимодействия, природа и тип которого *уже ясны* взаимодействующим сторонам, могут фигурировать и дедукция, и индукция. Но *опознание* типа нового взаимодействия, сопоставление нового, эмпирического факта с имеющимся набором типов ситуаций, личностей, мотивов, зафиксированным в опыте культуры, в языке, происходит путем апдуктивного заключения” [9, С. 97].

В качестве иллюстраций Л.Г. Ионин приводит следующие примеры дедукции и (неудачной) апдукции:

Дедукция: “Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен”;

Апдукция: “Все люди смертны, Сократ смертен, следовательно, он человек” (отсюда вовсе не следует, что Сократ человек, ведь смертны и кошки, и собаки).

Дедукция: “Все планеты круглые. Земля – планета. Следовательно, Земля – круглая”.

Апдукция: “Все планеты круглые. Маша круглая. Следовательно, она планета”.

Литературным примером неудачной смысловой апдукции является общеизвестная трагедия В. Шекспира “Отелло” (главный герой приходит к ложному выводу, отталкиваясь от значимой в его глазах детали – платка). Примерами же удачных апдукционных выводов могут служить многочисленные воспроизведенные в художественных произведениях, и особенно в детективах, случаи озарений, догадок, основанных на мелочах, сопоставлении незначительных, казалось бы, событий, поведенческих и фактических странностей и несостыковок.

Понимание коммуникационных процессов связано с “освоением” получателем текста его исходной мотивационно-целевой структуры. При этом происходит и дедукция, и – наиболее часто, апдукция, приводящая к самым глубинным выводам или, наоборот, к ошибкам непонимания. В любом случае, умение человека *адекватно*, то есть так, как и есть на самом деле, понимать интенциональность *другого*, является социально значимым качеством: конструктивное взаимодействие людей без взаимопонимания невозможно.

И в завершение еще об одной ситуации, возникшей на другом, тоже научном мероприятии. Приглашенная дама-журналист, прослушав научный доклад, заволновалась: -О каком едином смысле Вы говорите? Смыслов должно быть много!

Действительно, сколько должно быть смыслов, извлекаемых из произведения (текста)? Известно ведь, что любой человек имеет право на самостоятельные выводы и творческое восприятие, равно как и на собственное творчество? Не нарушается ли, при поиске мотивационно-целевой доминанты текста, столь важный для демократического общества принцип плюрализма?

Расскажу о незначительной, с точки зрения защиты демократических идей, житейской истории. Молодая мама как-то вечером читала сыну рассказ А.П. Чехова, тот самый, где деревенский мальчик Ванька Жуков, отданный в учение к сапожнику, в ночь под Рождество не ложился спать, а вместо этого стал писать письмо, на деревню дедушке. К середине чтения у мамы потекли слезы, два раза мальчик приносил салфетки и утешал ее. А когда рассказ закончился, мама спросила, что же сыну запомнилось. И тот ответил, что в магазине продавалось ружье! (у Чехова действительно есть такая подробность). Конечно же, это просто забавная история о наивном малыше, для которого путь к адекватному восприятию только начинается.

Еще пример. Время от времени мы узнаем (например, из прессы) о вольностях в трактовке законов, подзаконов и правовых норм, из-за которых реально страдают люди. Проблема адекватного восприятия и интерпретирования в таких случаях стоит особенно остро. Будучи “овеществленной” в тексте, авторская интенциональность становится фактом объективной реальности, и предпочтительнее, конечно же, *адекватное восприятие* этой реальности. Тем не менее, по данным исследований, которые проводятся начиная с 70-ых годов (прошлого века), адекватное восприятие общественно-политических и информационных материалов СМК обнаруживают от 9 до 18% аудитории, в зависимости от формы подачи и организации материала. При восприятии материалов художественных жанров это число выше, но также невелико [8, 1].

Навыки адекватного понимания авторской интенциональности ведут не к нивелировке внутреннего мира, а к творческому, осознанному “включению” смысловых доминант в “картины мира” людей, с учетом их индивидуальных особенностей, способностей, жизненных обстоятельств, социального и исторического фона.

А *смыслов* в нашей жизни действительно должно быть много, да иначе и быть не может – люди постоянно создают новые тексты, интерпретируют уже имеющиеся и, следовательно, продуцируют новые и новые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамьянц Т.З.* Социальная коммуникация. М., ИС РАН, 2005.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1997.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986.
4. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981.
5. *Дридзе Т.М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Социальная коммуникация и управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 1. М., ИС РАН, 2000, С. 5-42.
6. *Дридзе Т.М.* От герменевтики к семиосоциопсихологии: от “творческого” толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 2. М, 2000, С. 115-137.
7. *Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность, 1996, №3, С. 145-152.
8. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., Наука, 1984.
9. *Л.Г. Ионин.* “Социология культуры”, М., “Логос”, 2000.
10. *Леонтьев А.А.* Психология общения, Тарту, 1974.
11. *Pierce Ch.* Collected papers. Vol. 6. Camb. (Mass.). 1956.